

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 94 (470. 4) "18"

КАЗАНСКИЕ ГУБЕРНАТОРЫ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

А. Н. БИКАШЕВА*Казанский (Приволжский)
федеральный университет*

e-mail: biktashi@mail.ru

В статье анализируются источники возможности мемуарной литературы применительно к изучению института губернаторства. По мнению автора, воспоминания позволяют реконструировать общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, судить о социальной психологии провинциального общества.

Ключевые слова: губернатор, мемуары, слухи, общественное мнение.

Уловить в официальных источниках неартикулированные сведения о российских губернаторах не просто. Власть не любит рассказывать нелицеприятные вещи о себе. Лишь в случае отставки или в результате перевода на другое место службы можно обнаружить сведения о профессиональных качествах правителя губернии, стиле его руководства, умении ладить с должностным и выборным окружением. Возможность увидеть связь между «высокой» политикой и частной жизнью «человека власти» предоставляет мемуарная литература. В ней фиксировались неофициальные факторы социального контроля, слухи, описание групповых и индивидуальных интересов, общественное мнение о представителях местной администрации и многое другое.

Под воспоминаниями (мемуарами) принято понимать повествования о прошлом, основанные на личном опыте и собственной памяти автора. Специфика мемуаров состоит в их ярко выраженном субъективном характере. Благодаря этому, они позволяют восстанавливать общественную, неофициальную оценку человеческого фактора в политике, судить о социальной психологии провинциального общества. Применительно к исследованию реалий административной жизни казанских губернаторов немаловажное значение приобретают воспоминания их современников, самих губернаторов, людей из их служебного окружения.

Важнейший вопрос о достоверности воспоминаний должен решаться в каждом конкретном случае, методы исполнения этой задачи достаточно полно изложе-

ны в источниковедческих трудах¹. Одно из необходимых условий – учитывать отношение автора к тем, о ком он пишет. Исследовательское доверие к содержащимся в них инвариантным оценкам резко возрастает, если они подтверждаются другими мемуарными свидетельствами, иными видами источников.

Количество опубликованных мемуаров, затрагивающих в той или иной степени проблемы казанской губернской администрации в изучаемый период, сравнительно невелико (всего более десятка), причем значительно отличающихся по объему. Обнаруженные воспоминания можно поделить на три условные группы. Первая объединяет мемуары, вышедшие из-под пера высших сановников, осуществлявших ревизию Сената Казанской губернии². Вторую представляют мемуары чиновников, служивших в органах губернской администрации³. В это число вошли воспоминания российских губернаторов, однако выявить свидетельства казанских начальников губернии так и не удалось. Воспоминания современников о состоянии губернского управления, по роду деятельности вращавшихся в интересующей нас среде, образуют третью группу⁴.

Мемуары дают возможность более полно почувствовать дух исследуемого времени, анализировать бюрократическую ментальность, знакомят с бытом, нравами и повседневной жизнью провинциальных чиновников. В них обнаруживаются сведения, о которых не принято было говорить открыто в период службы. Но по прошествии времени, бывшие чиновники подробно описывали различные способы обогащения губернских канцеляристов, механизмы неофициального властвования, вскрывали управленческие язвы.

Наиболее подробная информация о служебной и приватной жизни казанских военных губернаторов содержится в воспоминаниях их адъютантов – Мамаева, Ильина, Половцева, но и она требует критического осмысления. В этих текстах наблюдается переоценка своих личностных качеств. К примеру, у Половцева в силу разницы в уровне образования сложились непростые отношения с военным окружением губернатора П. Ф. Козлянинова. Да и губернатор с его слов был с «корнетскими замашками». Наряду с ценнейшими сведениями об отмене крепостного права в Казанской губернии, его мемуары сквозят высокомерием, снобизмом, обидой за несправедливое увольнение.

¹ См. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М., 1991; Зайончковский П. А. Введение // История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1. С. 3–15.

² Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь: записка действительного тайного советника. М., 1866; Бумаги Ивана Борисовича Пестеля // Рус. архив. 1875. Кн. 1. С. 370–374; Записки некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника, сенатора И. В. Лопухина, сочиненные им самим // Рус. архив. 1884. Кн. 1. С. 69–73; Соловьев Я. А. Записки сенатора // Рус. старина. 1882. Т. 36, № 10. С. 137; [Казначеев А. Г.]. Между строками одного формулярного списка, 1823–1881 / А. К. // Рус. старина. 1881. Т. 32, № 11. С. 837.

³ [Мальшев А. А.]. Губернатор доброго старого времени: воспоминания старожилы // Рус. старина. 1907. Т. 131, № 7. С. 188–196; Михайлов И. И. Казанская старина: (из воспоминаний) // Рус. старина. 1899. Т. 100, № 10. С. 99–113; № 11. С. 399–419; [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов / Ф. А. П-в // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 100–123; № 11. С. 462–486; Записки Петра Зиссермана (внука Петра Алексеевича Ильина – адъютанта И. А. Боратынского). Ч. 2. Дедушка. 1913. С. 60–84. (хранятся в личном архиве правнучки П. А. Ильина Сусанны Леонидовны Высоцкой); Де-Пуле М. Ф. Отец и сын // Рус. вестник. 1875. Т. 118. С. 56–107; Т. 119. С. 121–181; Фадеев А. М. Воспоминания (1790–1867). Одесса, 1897. Ч. 1. С. 157–199; Лучинский Ф. Я. Провинциальные нравы за последние полвека: (воспоминания) // Рус. старина. 1897. Т. 91, № 9. С. 650–657; Жиркевич И. С. Записки // Рус. старина. 1890. Т. 67, № 7. С. 79–80; Арцимович В. А. Воспоминания. Характеристики. СПб., 1904.

⁴ Вигель Ф. Ф. Воспоминания. М., 1864. Ч. 2; Астольф де Кюстин. Россия в 1839 году // Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. Л., 1991; Панаев В. И. Воспоминания // Вестник Европы. 1867. Т. 4. С. 72–181; Стогов Э. И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I. М., 2003; Шомпулев В. А. Из прошлого Саратовской губернии: (Записки старого помещика). Провинциальные типы сороковых годов // Рус. старина. 1898. Т. 95, № 8. С. 322–331; Мамаев Н. И. Записки // Ист. вестник. 1901. Т. 86, № 11. С. 429–470; Вистенгоф П. Ф. Из моих воспоминаний // Ист. вестник. 1884. Т. 16, № 5. С. 344–347.

Ф. А. Половцев воспринимал Козлянинова как типичного представителя николаевских управленцев, наделив его следующими чертами: «имел природный своеобразный ум, познаниями ни в каких отраслях не обладал... умел носить мундир с надлежащим достоинством, танцевал хорошо, верхом ездил отлично и по французски говорил... был отличный и очень храбрый офицер»⁵. Снисходительный тон автора выдавал не столько личное его отношение, сколько общие оценочные симптомы, витавшие в воздухе в отношениях между народившимся поколением профессионально-образованных администраторов с отживавшими свой век николаевскими генералами. Данный конфликт поколений уже обозначился в бюрократической среде и более всего ощущался в университетских городах.

Подтверждение сведений из воспоминаний адъютанта Ф. А. Половцева обнаруживаются в материалах III Отделения СЕИВК. В донесениях жандармских офицеров относительно губернатора П. Ф. Козлянинова много места уделялось обстоятельствам его назначения, обсуждению свойств его характера, личным пристрастиям, отношениям с местным дворянством, способам накопления личных средств. Эта палитра секретных сведений, позволяет составить достаточно емкий портрет этого управленца. Но вместе с тем, судя по воспоминаниям, появление столь заурядного губернатора, неприметного служаки встревожило местное общество. Назначение П. Ф. Козлянинова стало предметом бурного обсуждения в дворянских кругах тогдашней Казани.

Описание аристократической верхушки казанского общества содержится в воспоминаниях профессора Казанского университета Д. А. Корсакова. Он пишет, что казанское «благородное общество» делилось тогда на два круга: аристократический и неаристократический. Аристократический круг разделялся на три категории: «туземцев, коренных и прибывших, постоянно меняющихся». Во главе «туземцев» находились Молоствовы, и бывшие в родстве с ними Граве, Депрейс, Хованские, Осокины. К «коренному кругу» относились Мергасовы, Баратынские, Лебедевы, Рычковы, Наумовы, Львовы. «Приезжими» считались губернатор, вице-губернатор и другие, меняющиеся по долгу службы статские и военные чиновники⁶. По воспоминаниям другого современника «действительных аристократов» в казанском обществе «...было две или три семьи, не более. Остальные не могли похвалиться древностью рода и только кичились обширностью поместий или состояний»⁷. На этом фоне губернатору Козлянинову и кичиться-то было нечем: ни знатностью рода, ни приближенностью к трону, ни столичными связями. У него не было даже имени. Его супруга Анна Яковлевна дочь генерал-майора Шредера была также ничем не приметна. Культурный уровень губернаторской четы не позволял их дому стать центром городской салонной жизни, как это было с предыдущими казанскими губернаторами. По всем перечисленным позициям он уступал своим предместникам. В итоге губернатору с «корнетскими замашками» (как о нем поговаривали) так и не удалось преломить негативное отношение со стороны местной элиты.

Авторы воспоминаний обычно писали не только о себе, но и о своих родственниках, знакомых, описывали местное общество, жизнь которого в буквальном смысле была пропитана слухами. Молва спланивала местное аристократическое общество в период назначения, увольнения или перевода начальника губернии на новое место. Получение П. Ф. Козляниновым поста военного губернатора также обросло слухами, будто бы губернаторство он купил через директора департамента общих дел МВД, бравшей взятки за назначения на должности самым бесцеремонным образом⁸. Подобное, конечно, сложно проверить. Вместе с тем, в жандармском ведомстве стали

⁵ [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 100–101, 107.

⁶ Корсаков Д. А. Мои воспоминания / Д. А. Корсаков // ОРК НБ КГУ. Ед. хр. 9448. Л. 100.

⁷ Вагнер Н.П. Воспоминания // Материалы к биографии Н.И. Лобачевского / Под ред. Л.Б. Модзалевского. М., Л. 1948. С. 636.

⁸ [Половцев Ф. А.] Из воспоминаний 1859–1861 годов // Ист. вестник. 1907. Т. 110, № 10. С. 101–102.

накапливаться анонимные доносы на казанского губернатора. Проведя служебное расследование, полковник Ларионов посчитал, что распространителем негативных слухов являлся никто иной, как казанский помещик Алексей Петрович Горский. Отвод его кандидатуры на предводительство перечеркнул планы Горского войти в аристократические верхи казанского общества. Вероятно поэтому, его личная неприязнь к начальнику губернии вылилась в доноительство. В доносах Козлянинов был представлен карточным шулером, мошенником, купившим свою должность.

Благодаря жандармским перлюстрациям обнаруживаются и другие мнения. Своими впечатлениями о губернаторе делился Александр Петрович Перцов⁹ (член казанского дворянского комитета). Он писал в письме брату: «...На днях Козлянинов получил письмо от своего брата, который пишет ему, что об нем ходят самые дурные слухи, что он только занят картами, делами не занимается, что выбрал правителя канцелярии известного взяточника. Такие известия чрезвычайно огорчили Козлянинова, тем более, что все это клевета. В карты он играет очень редко, делами занят очень усердно, Павлов (правитель канц.) до сего времени не подает ни малейшего повода подозревать его во взятках. Одним словом, враги Козлянинова распускающие такие слухи, плохо себя рекомендуют. Что у Козлянинова много недоброжелателей, это не удивительно, он одних удалил, других удержал в пределах благоразумия, иных влияние и силу ослабил. Каждый имел и имеет свою партию, своих друзей. Все это шумит, волнуется, тем более что, К. своим откровенным характером подает средства судить его действия и нападать на него со всех сторон. Я не думаю, чтобы все эти вредные для него слухи, могли серьезно ему повредить, но все таки, жаль, потому что энергичный и деятельный характер Козлянинова очень полезен здесь в стране запустения и апатии, где привычка и рутинная господствуют беспрекословно, где давность освятила и утвердила самые гнусные злоупотребления, а ненаказанность их породила убеждение, что иначе управление идти не может»¹⁰. Такова, видимо, была реальность Казанской губернии. Деятельная натура губернатора одних раздражала, других толкала на клевету, и только незначительная просвещенная часть общества осознавала необходимость поддержания такого рода начинаний.

Таким образом, специальное изучение технологий тайной полиции, имеет реальную перспективу раскрытия прикладного использования слухов, как источника контролирующей власти. Сочетание делопроизводственных материалов жандармских офицеров с мемуарными свидетельствами о казанских губернаторах, позволяет использовать слухи как самостоятельный источник неформальной коммуникации. Вот несколько примеров с участием одного и того же казанского губернатора – С. С. Стрекалова. Узнав, что советник палаты уголовного суда Н. Н. Иванов не чист на руку, он обратился в III Отделение относительно несправедливых доходов этого чиновника, и получил информацию что «общая постоянная молва всегда справедлива». Не сумев доказать вину Иванова по косвенным свидетельствам, при содействии министра юстиции, губернатор все же добился его перевода в другую губернию.

В то же время в воспоминаниях И. И. Михайлова содержатся сведения, что военный губернатор С. С. Стрекалов «по делам, правда, взяток не брал, но с откупщиков получал ежегодную дань. Это считалось в то время доходом безгрешным. За несколько десятков тысяч рублей, Стрекалов предоставлял откупщикам, а их в губернии было несколько, грабить обывателей, как им хотелось»¹¹. Далее мемуарист приводит весьма характерный случай подобного грабежа, когда в течение двух месяцев откупщик при содействии властей производил «осмотр» городских погребов, взимая штрафы даже за густой квас. В результате этому «питейному баскаку» город заплатил «страшную контрибуцию». Когда же сам С. С. Стрекалов решил жениться вторично, молва о его избраннице могла значительно поколебать репутацию самого военного

⁹ Казанский университет, 1804–2004: библиограф. словарь. Казань, 2002. Т. 1. С. 402.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. за. Д. 2004. Л. 3–4.

¹¹ Михайлов И. И. Казанская старина // Русская старина. 1899. Окт. С. 101.

губернатора. Поэтому заслуженному свитскому генералу было предложено новое место службы в столице.

Итак, фиксируемые в воспоминаниях слухи как форма массовой коммуникации, служили средством распространения новостей, формирования и разрушения репутаций у представителей власти. Не случайно тайная полиция держала этот общественный канал связи под особым контролем, используя слухи в качестве индикатора «настроения масс». Между тем, в отечественной научной литературе продолжает доминировать мнение, что информативная ценность этого источника невелика, что слухи являются негативным атрибутом отсталости и что их следует опровергать. Сочетание информационных возможностей донесений жандармских офицеров с «зафиксированными» слухами в мемуарной литературе по Казанской губернии, доказывают обратное. Власть активно использовала этот коммуникативный канал в области управления, а также для поддержания имиджа местных властей. Ведь в слухи верят, не потому что они фальшивы, а потому что они оказываются правдой.

KAZAN GOVERNORS OF THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY IN THE MEMOIRS OF THEIR CONTEMPORARIES

A.N. BIKTASHEVA

*Kazan (Volga Region)
Federal University*

e-mail: biktashi@mail.ru

The article analyses the possibilities of memoirs as a source material in conformity with the study of the institute of governorship. According to the author, memoirs allow to reconstruct social, informal assessment of the human factor in politics, to form an opinion about social psychology of the provincial society.

Key words: governor, memoirs, rumours, public opinion.